

А. А. Иванов

Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века

Иванов Андрей Александрович
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование
Исследование
выполнено при
финансовой
поддержке РФФИ
в рамках научного
проекта № 20-09-00105
«Политические партии
России начала XX в.»

Типологизация и дефиниции политических партий Российской империи начала XX в. до сих пор вызывают полемику в научных кругах. Несмотря на существенный прорыв в изучении истории дореволюционных российских партий, произошедший за последнее 30-летие, историки продолжают спорить о границах консервативного и либерального лагерей, о принадлежности тех или иных партий и союзов к общему политическому направлению, пытаются подобрать наиболее емкие и содержательные определения, позволяющие охарактеризовать конкретный политический лагерь или идейное направление. Особое место в этой полемике занимают партии и союзы, которые принято относить к охранительным и монархическим. В отношении данного лагеря помимо нейтральных академических терминов («консерваторы», «правые») также продолжают использоваться и эмоционально окрашенные клички и прозвища, возникшие в дореволюционную эпоху («черносотенцы», «зубры», «революционеры справа») и в более поздний советский период («фашисты», «протофашисты»). Однако довольно часто упускаются из виду следующие важные моменты: значение данных дефиниций в конкретную историческую эпоху; обстоятельства их появления; отношение к ним тех, кого так называли политические оппоненты; соответствие действительности и возможность их применения в отношении всего правого лагеря. В связи с этим цель статьи заключается в устранении данных «лакун», что позволяет как внести определенные уточнения в представления о правом лагере Российской империи начала XX в., так

и пересмотреть некоторые сложившиеся стереотипы относительно этого идейно-политического течения.

Консерваторы и реакционеры. История правых политических партий Российской империи напрямую связана с историей русского консерватизма. Эту преемственность подчеркивали как идеологи правого движения, так и противники правых. Меньшевик Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум) в брошюре, посвященной российским политическим партиям, характеризовал правые партии как реакционно-консервативные, а их членов — как приверженцев «старого порядка»¹. При этом, естественно, социалист Мартов вкладывал в понятия «реакционные» и «консервативные» сугубо негативный смысл, отмечая, что «консерваторы сплошь и рядом добиваются восстановления уже давно исчезнувших учреждений» и, являясь реакционерами, стремятся к «попятному движению истории»². Между тем понятие «реакция», наделенное «прогрессивными кругами» исключительно негативной коннотацией, может рассматриваться и как нейтральное, не сопряженное с оценками, данными ему политическими противниками консерваторов, поскольку в переводе с латинского означает всего лишь «обратное действие». И в последнем значении это понятие вполне отражает суть консерватизма, возникшего в конце XVIII — начале XIX в. «как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса (которая ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности), воплощением которых стала Великая французская революция»³. Русский консерватизм, равно как и его порождение в виде правых политических партий и союзов начала XX в., в этом плане был именно реакцией, поскольку консервативное течение возникло как ответ на вызовы, угрожавшие положению Православной церкви, монархической государственности и традиционному укладу общества. Поэтому далеко не все правые чурались ставшего ярлыком термина «реакция» и использовали его порой с такими прилагательными, как «спасительная» и «здоровая»⁴. «Государственный человек... — писал публицист и видный деятель монархического движения К. Н. Пасхалов, — достаточно смелый, чтобы не бояться обвинений в отсталости, консерватизме (постыдном исключительно в России), реакционерстве и т. п. страшных для слабодушных и несамостоятельных умов слов...»⁵

Что же касается принадлежности к консервативному лагерю, то ей правые политики и публицисты начала XX в. гордились, называя в числе своих учителей видных идеологов русского охранительства, и особенно часто указывали на свое преемство славянофилам. «Славные имена Киреевских, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, [К. С. и И. С.] Аксаковых и всех тех, кто потрудился над выяснением народного самосознания, да послужат нам кормчими звездами на этом трудном, но неизбежном пути», — говорилось в обращении Союза русских людей⁶. Пиетет к славянофильству испытывали многие видные деятели правого движения — А. А. Киреев, А. С. Вязигин, Н. Н. Ознобишин, В. Н. Снежков, М. Ф. Таубе, Г. А. Шечков, С. Ф. Шарапов и др. Среди учителей подлинной «русскости» редактор «Московских ведомостей» и лидер Русской монархической партии В. А. Грингмут также называл митрополита Филарета (Дроздова), М. П. Погодина, К. Н. Леонтьева и некоторых других консервативных

мыслителей XIX в.⁷ Видный деятель Союза русского народа (СРН) Б. В. Никольский утверждал, что он стал религиозным человеком и русским патриотом «только благодаря Леонтьеву»⁸. Монархический «Кружок москвичей» в своем обращении к Русскому собранию указывал, что придерживается «народного воззрения, выясненного и разработанного целым рядом русских мыслителей», в числе которых назывался Н. Я. Данилевский⁹. Хранителем заветов М. Н. Каткова, призванным воплощать в жизнь его программу¹⁰, считал себя В. А. Грингмут, отмечавший, что именно «Катковым был произведен окончательный синтез церковных, народных и государственных начал России»¹¹. Русский народный союз имени Михаила Архангела, приступая к изданию журнала «Прямой путь», отмечал, что мечтал возродить в нем знаменитый катковский «Русский вестник»¹². В. М. Пуришкевич говорил о том, что он весь проникнут «идеями Хомякова, Аксакова, Победоносцева, Рачинского и Фуделя»¹³. А один из видных деятелей СРН В. П. Соколов был убежден в том, что «если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и др., с одной стороны, и Катков, гр. [Д. А.] Толстой и т. д., с другой стороны, то все они были бы в наших рядах»¹⁴. Называя «апостолами национального евангелия» идеологов славянофильства и М. Н. Каткова, В. А. Грингмут провозглашал: «И вот настала теперь наша очередь нести русское национальное евангелие в русский народ и в русское правительство. Кто мы такие? Кто нам дает это право? Мы — ученики тех великих апостолов, которые научили Россию сознательно дорожить своими национальными сокровищами»¹⁵. Нередко в числе своих предшественников и идейных вдохновителей представители правых партий называли Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского¹⁶. А поэт Серебряного века А. И. Тиняков, некоторое время сотрудничавший с рупором СРН газетой «Земщина»¹⁷, в одном из частных писем и вовсе называл поэтов Тютчева и А. А. Фета «черносотенцами», вкладывая в это слово положительный смысл¹⁸. Показательно, что генетическое родство Достоевского и черной сотни видели и противники правых. В. В. Розанов вспоминал, как философ Л. А. Шестов (Шварцман) спросил у него: «К какой бы из теперешних партий примкнул Достоевский, если бы был жив?», и сам же ответил: «Разумеется, к самой черносотенной партии, к Союзу русского народа и “истинно русских людей”»¹⁹. А поэт Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) писал, что имя Достоевского окружено «мрачным ореолом» «черносотенности»²⁰.

Термин «консерваторы» в качестве самоназвания использовался русскими правыми начала XX в. нечасто, из-за чего некоторые исследователи подвергают сомнению правомерность его применения по отношению к черносотенцам²¹. Однако, на наш взгляд, для таких сомнений нет оснований. Идеи основы правого движения были генетически связаны с наследием консерватизма XIX столетия и, как справедливо отмечает М. Л. Размолодин, «правомонархическая идеология выступала как проекция русской консервативной философии на реальную политическую практику»²². Это понимали и политические противники черносотенцев, именовавшие их иногда «крайними консервативными партиями»²³. Другое дело, что, превратившись в массовое политическое движение, правые XX в. были вынуждены упростить консервативную идею, сделав ее

доступной для самых широких слоев населения. Именно поэтому они не злоупотребляли малопонятным для масс термином, «чужеродным для простого народа», вычеркнув его, например, из предвыборного воззвания черносотенных союзов в 1912 г. из словосочетания «консервативная монархическая партия»²⁴. При этом в статьях, ориентированных на образованную публику, неоднократно подчеркивалось, что программа правых — консервативная программа²⁵. Да и рядовые черносотенцы иногда заявляли: «Мы монархисты и на все хорошее — консерваторы»²⁶.

Правые. Под термином «правые», относительно российских реалий начала XX в., принято понимать политические силы, исповедовавшие в качестве политического кредо знаменитую уваровскую триаду: «православие, самодержавие, народность» и «защищавшие традиционные — политический, социальный, экономический, религиозный, духовный, бытовой — уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя»²⁷. Правый лагерь дореволюционной России условно представлял собой два уровня — высший и низший. К первому относились сам царь, его ближайшее окружение, с оговорками — официальное правительство. Ко второму — различные монархические (черносотенные и националистические) партии, организации и союзы, их представители в законодательных учреждениях Российской империи, а также беспартийные приверженцы правых взглядов²⁸.

Термин «правые» возник в Западной Европе первоначально как парламентский термин для обозначения как консерваторов, так и просто сторонников существующей власти, поскольку они занимали правую сторону от председателя, в то время как сторонники радикальных взглядов обычно рассаживались с противоположной, левой, стороны. Традиционно принято считать, что начало деления политических сил на «правые» и «левые» возникло во время Французской революции, когда в 1789 г. в Учредительном собрании, обсуждавшем конституцию, сторонники короля заняли правую сторону, а республиканцы — левую. При этом изначально понятие «левый» было оскорбительной кличкой, которую применяли роялисты к своим противникам²⁹, а прозвище «правый» — с гордостью было принято консерваторами, поскольку эти два термина напрямую соотносились со Священным Писанием, повествующем о том, что на Страшном суде Господь отделит «овец от козлов» и «поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую», даровав первым уготованное им царство, а вторым — «огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25: 31–41). Неоднократно противопоставление слов «правый — левый» встречается и в Псалтири («Род правых благословится» (Пс. 111:2); «Торжествуйте, все правые сердцем» (Пс. 31:11); «И похвалятся все правые сердцем» (Пс. 63:11); «Пути правые наблюдает Господь, а левые — испорчены» (Притч. 4:28).

Таким же образом ситуация сложилась в Германии и Австро-Венгрии, где к правым причислялись консервативные и клерикальные группы, а затем и в России, где с открытием Государственной думы правую сторону заняли сторонники неограниченного царского самодержавия. В дальнейшем название «правые» перешло на все монархическое движение с последующим делением на крайних и умеренных его представителей. Русские монархисты неслучайно

согласились с этим общеевропейским термином, поскольку в русском языке слово «правый» оказалось еще и родственным таким понятиям, как «православие», «правда», «праведность», «правота», «правильность», «справедливость», «правое дело», «правление», и ассоциируется с такими словами, как «истинный», «прямой», «законный». Естественно, что слово «правый» соответствующим образом воздействовало и на архетипы массового сознания, в котором испокон века бытовали пословицы: «Ходи право, гляди браво!», «Правого Бог правит», «Чем старее, тем правее» и др. В связи с этим один из видных участников правого движения в России начала XX в. архиепископ Никон (Рождественский) писал: «Мне скажут, что название “правых” и “левых” никакого отношения к Евангелию не имеет <...> Но вот, подите же, какое совпадение. Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы “правыми”, а противники их — “левыми”? Почему и те, и другие и в государственных учреждениях садятся именно направо и налево от г. председателя? Почему и те, и другие, особенно “левые”, нисколько не обижаются, когда им усвоят именно такие названия? Так привыкли, так вошло в обычай. И хорошо. Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы, таким образом, являются как бы мерилom “правизны” и “левизны” <...> Вот наши “правые” и тщатся в меру своих сил крепко держаться церковного воззрения <...> Левые, наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения <...> Отсюда у правых — воззрения сродны душе народной, у левых — чужды ей и внушают правым опасение: как бы не потерять дорогое родное, если их усвоить в жизни»³⁰. Как пояснял Г. А. Щечков, «правые — это русские люди, желающие остаться русскими, верными себе самим и своему долгу перед отчеством. <...> На их хоругви, как и у них на душе, есть заветные три слова: “вера, Царь и народ”, и осеняет эти три слова не фригийский колпак, а Крест святой»³¹. Отмечая, что «правые по существу — не партия, а стихия: это все море здравых сил нашего отечества», Щечков особо подчеркивал, что «“правые” — это первее всего люди верующие; это те, кто желает служить только тому, чему повиноваться не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает. А что Сам Бог повелевает, того не может упразднить никакое человеческое повеление. Так обязан думать всякий верный сын Церкви»³². В позитивном ключе трактовал понятие «правые» и такой видный консервативный деятель, как К. Ф. Головин³³. В итоге это прозвище не только прижилось, но и стало самоназванием наиболее консервативных объединений в законодательных учреждениях Российской империи — фракции правых в Государственной думе и правой группы в Государственном совете.

Черносотенцы. Политические организации, занявшие крайне правые позиции, также получили название «черносотенных». Этот термин, в качестве оскорбительной клички, был придуман противниками правых и в пылу политической борьбы зачастую использовался ими для обозначения любых форм реакции. В. И. Ленин, в частности, заявлял: «Кто не за революцию, — тот черносотенец»³⁴ (поэтому в ленинской терминологии «черносотенцами» оказывались и царь, и наиболее консервативные члены правительства, и подавлявшие революцию войска, и участники съездов объединенного дворянства, и умеренно

консервативные партии, вплоть до националистов, и даже редакция кадетского журнала «Русская мысль»³⁵). «Черносотенцы, — писал Ленин, чья публицистика стала основой методологии советской исторической науки, — образуют последний тип наших политических партий. Они хотят не “конституции 17-го октября”, как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. В их интересах — вся та грязь, темнота и продажность, которые процветают при всевластии обожаемого монарха. Их сплачивает бешеная борьба за привилегии камарильи, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России»³⁶.

Сочувствующая черной сотне писательница С. Смирнова отмечала в связи с этим, что оппозиционные и революционные силы «окрестили этим именем все, что активно им противодействует», и «по мере того, как сопротивление им растет, как пробуждается в русском обществе негодование против самозванцев, выдающих себя за лучшую, мыслящую часть России, рамки черной сотни все раздвигаются, и она делается тем, чем она должна быть — русской народной партией»³⁷. Поэтому, несмотря на то, что представители левого и леволиберального лагеря использовали термин «черносотенцы» исключительно как бранную кличку, многими из монархистов он был принят как самоназвание. «...Хотя это прозвище дано черносотенцам как презрительное, — отмечал один из учредителей СРН А. А. Майков, — однако оно имеет некоторое основание, так как первыми поднявшими знамя “За Веру, Царя и Отечество”, были большею частью русские люди простого звания, крестьяне, мещане, а простой народ в прежние времена назывался “чернью”, “черными людьми»³⁸. «Чуть не ежедневно встречаешь в газетах ругань или издевательство над патриотическими союзами, объединенными названием “черной сотни”, данным нам в насмешку, но уже превращенным самою жизнью в почетный титул», — отмечало «Русское знамя»³⁹. На это же указывал В. А. Грингмут, считавший, что название «черная сотня», является не только не обидным, но и «очень почетным», так как «нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными Царю русскими боярами», а потому «черная сотня» — это «весь православный русский народ»⁴⁰. Видный консервативный публицист генерал А. А. Киреев в письме к Л. А. Тихомирову отмечал, что «прозвище “черная сотня” может быть дано и самому доблестному войску»⁴¹. Один из авторов «Русского знамени» утверждал: «В настоящее время *патриот-народник* есть черносотенец. Русский *патриотизм* и есть *черносотенство*». И как «в былое время среди татарских погромов русский человек спасался в монастырях черноризцем», так и «ныне в черные дни с красными заревами пожаров, с багряными потоками русской крови, русский патриот-народник стал христианином-черносотенцем»⁴². Казанская газета «Черносотенец» выходила со следующим стихотворным эпиграфом: «Кто молитву творя, / Читит народ и царя, / В ком ни сердце, ни ум не шатается, / Кто под градом клевет / Русь спасает от бед — / Черносотенцем тот называется»⁴³. А поэтесса-монархистка Л. А. Кологривова, печатавшаяся на страницах «Московских ведомостей», так писала о прозвище, данном правым их противниками: «Когда неистовой

хулою / Русь заливал крамольный вал, / Нас встретил враг насмешкой злою, / И Черной Сотней нас прозвал. / Название приняли мы смело, / Мы им довольны и горды, / На общее сплотило дело / Оно могучие ряды. / И наша рать для славной брани / Растет и крепнет шаг за шаг, / И замер смех в мятежном стане. / Увидел изумленный враг, / Что шуткой наглой и задорной / Не омрачился наш восход, / То, что считал он Сотней Черной, / То — православный наш народ»⁴⁴.

Как отмечает современный исследователь, «“черной сотней” называлось в допетровской Руси мещанское ополчение. Политическое значение термин приобретает с 1880-х гг. как наименование “мещанской партии” в Московской городской думе» и используется российскими либералами, в частности С. А. Муромцевым, для обозначения «весьма сплоченной группы мещан и ремесленников, выходящей из третьего разряда избирателей»⁴⁵. Толкователь русской фразеологии М. И. Михельсон в 1903 г. давал следующую оценку этому термину: «партия неинтеллигентных гласных в [городской] думе»⁴⁶. Сами же правые производили историю этого понятия с древнейших времен. Как утверждал историк и археолог, заслуженный профессор Московского университета Д. Я. Самоквасов, разделявший черносотенные взгляды, «черные сотни возникли в X в., в эпоху завоевательного объединения славяно-русских племенных княжений под властью первых киевских князей Рюрика рода», и представляли собой «землевладельческое городское общество, подразделение тысячи»; позже, в эпоху Московского царства, городские черные сотни обособились от сельских, став в эпоху Российской империи городскими обывателями. «Следовательно, — заключал Самоквасов, — черная сотня русского народа представляла собой городское и сельское трудовое народонаселение, тот класс русского общества, на котором преимущественно было основано, росло и крепло Русское государство»⁴⁷.

Показательно, что против использования социалистами прозвища «черная сотня» и его производных выступал марксист Г. В. Плеханов, в прошлом — один из лидеров народнической организации «Черный передел». Он заявлял, что название «черная сотня» «завещано... историей». «Я спрашиваю, — писал он, обращаясь к социалистам, — на каком же основании наша демократия стала называть черной сотней те элементы городского населения, которые обнаруживали дикую вражду к свободе? <...> Возникает вопрос, настоятельно требующий немедленного разрешения: почему черная сотня не за вас, а против вас?»⁴⁸ А философ Г. П. Федотов, бывший в годы Первой российской революции социал-демократом, в 1929 г. замечал: «Многие уже забыли, что “черная сотня”, по происхождению самого слова, связана не с черным словом зла, а с низовыми, торгово-демократическими организациями старой Москвы. И это не только ономастика. <...> В презрении, с которым интеллигенция относилась к “черной сотне”, всегда слышался обертон брезгливости к плебсу, к грубой и дикой “черной кости”»⁴⁹.

При этом важно учитывать, что термин «правые» значительно шире понятия «черносотенцы». К правому лагерю относятся и император, и ряд государственных и церковных деятелей, не являвшихся членами каких-либо партий и союзов, консервативные публицисты, черносотенные союзы, консервативные

политические партии умеренного направления (например, Партия умеренно правых или Партия правового порядка), различные общественные организации, структуры русских националистов (хотя и с оговорками), неформальные правые объединения законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета). И все эти составляющие русского правого лагеря отнюдь не были «монолитом» — между ними существовали серьезные противоречия, отличия в программах, конкуренция, а то и откровенная враждебность. Кроме того, следует помнить, что понятия «черносотенцы» и «правые» далеко не всегда тождественны: все черносотенцы были правыми, но далеко не все правые — черносотенцами. Как справедливо отмечает Р. Б. Ромов, термин «черносотенцы» можно относить «только к членам массовых политических союзов, вставших на защиту самодержавия», поскольку словосочетание «черная сотня» уже «в силу собственной этимологии предполагает участие в “низовой” практической политике»⁵⁰.

На наш взгляд, во избежание терминологической путаницы и лучшего понимания политических реалий начала XX в., к черной сотне следует относить лишь тех деятелей, партии и союзы, которые *сами* называли себя черносотенными, не стыдясь этого названия. Те же политические силы, что не отождествляли себя с черной сотней, а то и отрекались от единомыслия с ней (например, Всероссийский национальный союз и его идеологи) или держали заметную дистанцию (например, консервативные публицисты Л. А. Тихомиров, С. Ф. Шарапов и некоторые др.), несмотря на их принадлежность к общему консервативному (правому) «фронту», собственно к черносотенному движению причисляться не должны. К числу последних можно отнести и особую категорию «прагматиков», которые, не являясь принципиальными противниками западных политических реалий, считали их абсолютно неприемлемыми для России (например, бывший министр внутренних дел и лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново, как-то назвавший себя республиканцем по взглядам, но при этом выразивший мысль, что в России «по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга»⁵¹). Таким образом, говорить о единстве правого лагеря можно весьма условно, подразумевая под ним лишь идеологическую близость течений его составляющих, но отнюдь не полное единомыслие и уж тем более организационное единство.

«Революционеры справа». Еще одно распространенное прозвище, которое закрепилось за черносотенцами в литературе, — «революционеры справа». Так их нередко называли политические противники, имея в виду, что после установления обновленного государственного строя крайне правые с ним так и не смирились и явно или тайно стремились к свертыванию начал парламентаризма и возвращению неограниченной царской власти. «Что желает произвести “Союз русского народа”? — задавался вопросом П. Б. Струве, и сам же на него отвечал: — Его задача — конверсия исторических чисел и государственных начал. 17 октября 1905 г. он желает конвертировать в 17 января 1895 г.⁵² конституционную монархию в неограниченное самодержавие». Поэтому, писал оппозиционный публицист и политик, шутка про аббревиатуру СРН,

якобы означающую «социалистов-революционеров навыворот», является не только остротой, но «социологической и исторической истиной»⁵³. Словосочетание «революционеры справа» позволяло уравнивать добровольных защитников самодержавия с его ниспровергателями. Депутат Государственной думы кадет В. А. Маклаков, говоря об актах правого террора, в 1909 г. отмечал: «...здесь было все то, что мы привыкли видеть и в явлениях террора красного. Аналогия была полная; слова “революционеры справа” перестали быть метафорой: они — истинная действительность»⁵⁴. Вслед за политическими противниками черной сотни этот термин стали использовать и некоторые исследователи⁵⁵. «По-своему, — пишет канадский исследователь Т. Рокки, — черносотенство являлось революционным движением справа против существовавшего строя в России и вносило свой вклад в падение самодержавия и особый путь русской революции»⁵⁶.

«Это выражение с надоедливостью попугая повторяет революционная печать, именуя им деятельность революционных партий. Это выражение с надоедливостью попугая повторяет правительственная печать, быть может, бессознательно поддерживая “революционеров слева” или сознательно отстраняя от самого правительства достойные упреки. “Монархисты — это революционеры справа” — так говорят люди, желающие казаться умнее и просвещеннее, чем они есть в действительности <...> [Но] монархисты — не революционеры, а контрреволюционеры, ибо целью их объединения является истребить революцию <...> Монархисты не революционеры и ими никогда, ни при каких условиях не могут быть дотоле, доколе в России самодержавно-монархический строй», — отмечало одно из черносотенных изданий⁵⁷.

Как считал Г. Г. Замысловский, это «жупельное словечко» впервые было брошено умеренно правой газетой «Новое время» в 1909 г., намекавшей на «единение правых с социалистами» в вопросах критики власти⁵⁸. Однако это не так, представление о консерваторах как о «революционерах справа» появилось намного раньше. Со второй половины XIX в. общим местом в либеральной публицистике было обвинение защитников твердой самодержавной власти в скрытом нигилизме и «революционности», а также сопоставление «красных и белых “нигилистов”»⁵⁹. С появлением массового контрреволюционного движения эти обвинения были адресованы и ему. Н. А. Энгельгардт, выступая в Русском собрании в октябре 1906 г., возмущался, что «жидовская печать» пугает общество «революцией справа»⁶⁰. В ноябре 1907 г. кадет А. И. Шингарев бросил в Думе эти слова в сторону правых скамей⁶¹. А в 1908 г. М. О. Меньшиков на страницах «Нового времени» высмеивал это словосочетание, характеризуя его как выдумку оппозиционного лагеря. «Какие это революционеры справа? — изумится неподготовленный читатель. — Как какие? — воскликнет газета “Жаргон” (более точное наименование “Речи”): разве есть другие революционеры, кроме правых? Всем же, от Бердичева до Жуковской улицы в Петербурге⁶² известно, что никакой революции слева нет, а есть одна — крайне опасная революция — это со стороны черносотенцев. Камарилья — при дворе, правое крыло — в Госуд[арственном] совете, дворянское земство — внизу,

Союз русского народа — в самом подполье. Разве протоиерей Восторгов не вылитый Робеспьер?»⁶³

Попытка поставить на одну доску правых и левых, заклеив и тех и других словом «революционеры», вызывала протесты большинства черносотенцев. «...Кому это словечко выгодно, — писал Замысловский, — постарались, чтобы оно привилось на столбцах печати и в... министерских гостиных...»⁶⁴. «...Желая доказать вредоносность “правых” не меньшую, чем бомбометателей, — писал К. Н. Пасхалов о представителях “умеренного направления”, имея в виду в первую очередь октябристов и близких им по духу чиновников, — [они] определили это патриотическое движение “революцией справа”»⁶⁵. Однако, замечал далее правый публицист, поскольку черносотенцы не стремятся ни к *насильственному* ниспровержению государственного строя, ни к захвату власти в свои руки, такое наименование является клеветническим. Напоминая слова Николая II, что и после Манифеста 17 октября самодержавие его «останется таким же, каким оно было встарь», Пасхалов вопрошал: «Против кого же революционируют “правые”, оставаясь верными самодержавию, не окургу-женному какими-то ограничениями, а такому, каким оно было встарь? Уж если нас признавать разрушителями существующего порядка, то таковым же надо признать и самого единомышленного с нами государя императора...»⁶⁶. О том же говорил на монархическом совещании в Петрограде (1915) И. Г. Щегловитов, категорически отмежевываясь от данного прозвища: «Хороши революционеры, которые стоят, как часовые, на страже русских исторических заветов!»⁶⁷ Однако некоторым из правых это эпатажное прозвище, видимо, пришлось по душе, и они стали им пользоваться. Так, одна из статей «Земщины», обращенная к А. И. Гучкову, была подписана псевдонимом: Революционер справа⁶⁸. Это прозвище крепко привязалось к правым, и в 1915 г. Пасхалов отмечал в частном письме: «Я все более убеждаюсь, что ехидное наименование нас, монархистов, “революционерами справа”, как оно ни лживо, как ни нелепо, однако произвело должное впечатление в “сферах”, и там действительно уверовали в нашу революционность. Чем же иначе объяснить, что нас постоянно ставят на одну доску с революционерами (несомненными) слева»⁶⁹.

Между тем, отмечало «Русское знамя», революционерами справа по праву должны были бы называться те представители правительственной власти, которые имея все средства к подавлению революции, на деле ей потворствуют: «...“революционерами справа” являются те недостойные представители власти, которые, руководствуясь или полным непониманием своего дела, или явно изменническими, корыстными побуждениями <...> силятся разрушить коренной устой русской государственности, покушаясь на чудовищное государственное преступление: на лишение монарха прерогатив его верховной власти...»⁷⁰.

Иногда термин «революционеры справа» применялся ко всем черносотенцам, иногда — только к их радикальному крылу — дубровинцам, но никогда к полностью признавшим третьеиюньскую политическую систему русским националистами и умеренно правым. Октябрист А. В. Еропкин, к примеру, писал, что со времен третьей Думы монархические партии были «нескольких оттенков» — «националисты, приемлющие Манифест 17 октября, и правые, отвергающие

его, стоящие на почве неограниченного самодержавия. Это — революционеры справа...»⁷¹. Показательна в этом плане фраза националиста В. В. Шульгина. Не без симпатии отзываясь о крайне правых, к которым когда-то принадлежал сам, он все-таки охарактеризовал их как «революционеров справа»: «Среди революционеров справа я знавал личностей почтенных, а главное — способных к отпору и борьбе, способных и жизнь свою положить за други своя, чего в других, благородно-умеренных партиях наших, не замечалось»⁷².

«Зубры». «Силы реакции» в дореволюционной литературе также нередко именовались «зубрами». Это прозвище, закрепившееся за вождями правого лагеря в целом, и за одним из его лидеров — «курским зубром» Н. Е. Марковым в частности, появилось с подачи самого Маркова. Выступая в июне 1907 г. на проходившем в Москве I Всероссийском съезде земских деятелей, он как представитель курского земства, имевшего репутацию наиболее консервативного, произнес следующую фразу: *«Не надо забывать, что настоящее старое дворянство стало так же редко, как редки зубры в Беловежской пуще»*⁷³. Контекст этой фразы был следующим: Марков доказывал съезду, что «дворянско-черносотенное» земство гораздо лучше заботилось о нуждах крестьянства, нежели земство «всесловно-либеральное»⁷⁴. Но, отмечая, что старое русское дворянство с каждым годом тает и его ресурсов уже недостаточно для занятия всех земских должностей, Марков соглашался, хоть и с сожалением, с необходимостью привлекать к земской работе разночинный элемент⁷⁵. Словечко «зубры» подхватил и придал ему несколько иное значение трудовик И. В. Жилкин. Заявив, что крайне правые — «неистовый, почти ископаемый тип», он утверждал, что Марков «умолял оставить в руках вымирающих зубров всю власть и все дела в России»⁷⁶. «Присутствующие зубры, — продолжал Жилкин, — долго и шумно аплодировали курскому красноречивому зубру. <...> Выплыли ораторы-зубры и из других губерний. <...> “И это хорошо! — одушевленно говорили левые наблюдатели, — по крайней мере, ясно будет для всей страны, какие черносотенные звери собрались под видом земского съезда!..”»⁷⁷ А на следующий день после публикации заметки Жилкина, в кадетской газете «Речь» в отношении правых монархистов было употреблено выражение «политические зубры»⁷⁸. Словечко «зубры» понравилось левым и либеральным журналистам, которые стали его широко использовать.

Несмотря на искажение первоначального смысла сказанных правым политиком слов и попытку превратить их в обидное сравнение, ни сам Марков, ни его единомышленники отказываться от этого прозвища не стали⁷⁹. «С легкой руки товарища Жилкина, — писал Марков, — вся революционная печать подхватила мое сравнение дворянства с зубрами, извратила смысл мною сказанного и закончила тем, что нас, участников первого съезда, стали обзывать “зубрами” и обзывать очевидно в обидном смысле. <...> Не знаю, как другие, а лично я кличку “зубр” принимаю с большим удовольствием, я не могу не вспомнить, что еще в слове о Полку Игоревом, на заре нашей русской истории вещей Боян, воспевая нашего курского князя Всеволода, именовал его Буй Тур Всеволод; а ведь Буй Тур именно и означал буйный зубр. Именованье Зубром, это почти то же, что именовать Орлом, Львом и т. д. Зубр бесспорно благородно гордое,

независимое и отчаянно смелое животное. Я с удовольствием принимаю эту кличку, ибо всегда думал, что быть зубром куда почетнее, чем быть телятиной, годной разве только на жаркое обжорам революции»⁸⁰. В итоге это прозвище настолько понравилось Маркову, что некоторые свои статьи в «Земщине» он стал подписывать псевдонимом: Буй-Тур.

«Белые». В 1905–1907 гг. черносотенцев, в противовес «красным» революционерам («красносотенцам»), нередко именовали «белыми» и «белогвардейцами». Генерал А. А. Киреев, засвидетельствовав на страницах дневника свое знакомство с лидером СРН А. И. Дубровиным, отмечал, что тот встал во главе «организованной “белой” партии», и добавлял, что в 1905 г. в стране началась гражданская война, конец которой призвана положить «белая армия», способная на отпор «армии красной»⁸¹. Г. А. Щечков отмечал, что, когда «в дни смуты... поднялась улица на улицу», тогда «против “красных” выступали “белые”»⁸². Первая нижегородская черносотенная организация называлась союзом «Белое знамя», а ее члены — «белой партией» или белознаменцами⁸³.

Насильственные действия со стороны черносотенцев в годы революции 1905 г. также нередко именовались «белым террором»⁸⁴. Уже в ноябре 1905 г. В. И. Ленин писал: «Черные сотни заработали так, как не видывала еще Россия. Вести о побоищах, о погромах, о неслыханных зверствах так и сыплются из всех концов России. Господствует белый террор»⁸⁵. В связи с этим одно из правых изданий сетовало, что именование монархистов «белыми террористами» «начинает буквально не сходить со страниц революционной печати»⁸⁶. Газета «Русь» писала в 1906 г. о деятельности в Киеве «белой гвардии» — боевой дружины местного отдела СРН⁸⁷. Как самоназвание выражение «белая гвардия» использовалось в конце 1905 г. черносотенцами в Одессе, слово «белогвардейцы» наряду с термином «черносотенцы» — левой прессой для обозначения погромщиков⁸⁸.

Как отмечает К. В. Душенко, «гвардия» в данном случае означала не «отборные части войск», а «гражданскую стражу» для охраны общественного порядка, поскольку оба эти значения присущи французскому слову *garde*⁸⁹. Партией «белых» иногда называл черносотенцев и Ленин⁹⁰. Однако эти отсылки к опыту Французской революции и политической истории Франции конца XVIII — начала XIX в., где сторонники легитимной королевской власти выступали под белым флагом, в России по отношению к массовому монархическому движению начала XX в. не прижились. Представляется, что не последнюю роль в этом сыграли коннотации и символика цветов: если белый цвет воспринимается как символ света и чистоты, то черный ассоциируется с чем-то зловещим — мраком, тьмой, смертью. Клерикальный характер европейских правых движений и русского черносотенства также давал основания для использования в их определении черного цвета. Например, во Франции, где роялисты именовались «белыми», правых монархистов иногда называли «черными», что было связано с «обилием на правом крыле представителей духовенства в черной одежде»⁹¹. И с точки зрения пропагандистских целей прозвище «черносотенцы», брошенное врагами самодержавия, было, безусловно, более выигрышным и эффективным, нежели наименование «белые». Это обстоятельство подметил

в 1925 г. И. А. Ильин, писавший, что «под влиянием левых партий и ошибок на правом крыле — сложилась какая-то слепая и больная уверенность в том, что “свет” и “мрак” раз навсегда и окончательно распределились между “левыми” и “правыми” так, что весь “мрак” живет направо, а левые имеют монополию “света”... “Черная сотня”, “мракобесы”; “темные” делишки; “темные” личности; “черные замыслы” — гнездились направо; тогда как “огоньки”, “просвещение народа”, “хлеб, свет и свобода”, “лучезарное будущее”, “светлые личности” — обитали налево»⁹². Видимо, поэтому ассоциирующееся со светом и чистотой прозвище «белые» в отношении правых монархистов оппозиционная печать после 1907 г. употреблять перестала, отдав предпочтение «мрачному» слову «черносотенцы». А после того, как в годы Гражданской войны термин «белые» окончательно закрепился за разнородными антибольшевистскими силами, его использование в отношении правых монархистов дореволюционного периода полностью прекратилось, а само это наименование быстро забылось.

Националисты. Русскими националистами в современной историографии принято называть членов таких умеренно правых организаций как Всероссийский национальный союз (ВНС), Всероссийский национальный клуб (ВНК), Киевский клуб русских националистов (ККРН), фракцию националистов и умеренно правых в Государственной думе и родственные им политические структуры, члены которых заявляли себя сторонниками политики П. А. Столыпина. Как отмечает С. М. Санькова, ВНС представлял собой «единственный в истории дореволюционной России феномен, когда партия в своем самоназвании использовала понятие “национальный” и ее члены называли себя “русскими националистами”, без всяких добавлений и оговорок»⁹³. Однако иногда термин «русские националисты» историки используют для характеристики всего правого движения начала XX в.⁹⁴, поскольку идеология национализма в большей или меньшей степени была присуща и черносотенцам, и членам более умеренных политических движений. Несмотря на то, что между черносотенцами (крайне правыми) и собственно русскими националистами (умеренно правыми) имелись существенные различия⁹⁵, основания называть консерваторов разных оттенков националистами все же есть. Идеолог ВНС М. О. Меньшиков отмечал, что проповедуемые националистами начала были провозглашены еще задолго до возникновения партии националистов черносотенцами⁹⁶, а оппоненты ВНС из черносотенного лагеря, указывая на то, что их критика направлена на национализм «неправильный», от словосочетания «русские националисты» не отказывались. Так, лидер черной сотни В. М. Пуришкевич называл себя «убежденным и самым страстным националистом»⁹⁷, «русским националистом до мозга костей»⁹⁸, но при этом обрушивался с критикой на ВНС и ВНК, придерживавшихся консервативно-либерального направления и национализма, по его словам, «зоологического»⁹⁹. Покровитель черносотенного движения и почетный председатель Почаевского отдела СРН митрополит Антоний (Храповицкий), обличая западнические и секулярные тенденции в русском национализме, который исповедовали идеологи ВНС, не отрицал это идейное течение как таковое, а лишь призывал следовать «истинному национализму» — подчиненному религиозному идеалу и отстаивающему самобытность русской

жизни. Его статьи, посвященные проблематике национализма и обращенные к сторонникам ВНС, показательно назывались: «Что значит быть русским националистом?» и «Наш национализм и загадка Пушкина»¹⁰⁰.

Фашисты. Начиная с 1920-х гг. появилась тенденция отождествления черносотенцев с итальянскими фашистами¹⁰¹, получившая развитие в 1930–1940-х гг., когда русские правые партии стали сравниваться с германскими национал-социалистами. В 1936 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов на VIII Всесоюзном съезде Советов отмечал, что «прототипом фашистской партии надо считать хорошо знакомый нашему старшему поколению “Союз русского народа” или “Союз Михаила Архангела”»¹⁰². В самом начале Великой Отечественной войны Сталин в своей речи 6 ноября 1941 г. уравнивал германских нацистов с русскими черносотенцами, заявив, что гитлеровцы «являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами», партией «средневековой реакции и черносотенных погромов», а германский режим — «копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме»¹⁰³. В советской пропагандистской брошюре 1943 г. утверждалось, что «неслучайно» один из идеологов германского нацизма А. Розенберг «был до 1917 года редактором издававшейся в Петрограде погромной газеты “Русское знамя” — руководящего органа русских черносотенцев, объединенных в “Союз русского народа”»¹⁰⁴. (Между тем прибалтийский немец Розенберг не имел никакого отношения к русскому правому движению, никогда не жил в Петрограде и к 1917 г. был 24-летним студентом московского вуза.) В дальнейшем советские авторы использовали понятия «черная сотня» и «черносотенцы» для характеристики самых разных зарубежных правых движений¹⁰⁵. Не остались в стороне и зарубежные историки, также прибегавшие к сравнению русского черносотенства с европейским фашизмом¹⁰⁶ и иногда даже пытавшиеся представить российских правых наставниками Гитлера¹⁰⁷. И хотя попытки выставить правые партии Российской империи предшественниками германского нацизма («предфашизм») предпринимались и в постсоветской России¹⁰⁸, сегодня большинство историков считает такие сравнения антиисторичными, справедливо отмечая, что, во-первых, фашизм и национал-социализм возникли после Первой мировой войны «совсем в других исторических условиях», а, во-вторых, «фашисты, нацисты и сторонники родственных им идеологий предсказывали пришествие нового века и возрождение нации из современного хаоса», в то время как у черносотенцев эта тенденция «начисто отсутствовала»¹⁰⁹. Кроме того, православное и монархическое мировоззрение русских правых также существенно отличалось от европейского фашизма, который «в своей основе опирался на секулярный комплекс идей, ставший источником антихристианских социальных концепций», и если, по замечанию современного историка, «черносотенство можно рассматривать как “детище” христианской культуры, отечественных традиций и русской консервативной философии, то фашизм был продуктом западной секуляризованной мысли»¹¹⁰. Таким образом, между черносотенством и европейскими формами фашизма было гораздо больше различий, чем общих черт. Присущие русским правым национализм, антисемитизм, антилиберализм, этатизм и популизм были свойственны не только фашизму,

но и традиционным консервативным движениям Европы начала XX в., в то время как явно выраженный вождизм, экспансионизм, расизм, тоталитаризм, а в случае германского нацизма еще антихристианская и языческая составляющие, равно как и принципиальное отличие идеологии национал-социализма от традиционного христианского консерватизма и монархизма, не имели сколько-нибудь широкого распространения в среде русских правых, базовыми постулатами для которых оставались православие и самодержавие.

Впрочем, в отождествлении черносотенства и европейского фашизма или указаниях на содержащихся в русском правом движении «фашистских потенциях»¹¹¹ отчасти виноваты и некоторые бывшие вожди русских правых, писавшие в эмиграции о родстве черносотенства и фашизма. В 1924 г. В. В. Шульгин сетовал в частном письме, что в России не нашлось деятеля подобного Муссолини, и выражал мнение, что среда, из которой рекрутировались черносотенные союзы, «в некоторых отношениях весьма напоминает среду фашистскую, и... ничуть не хуже ее»¹¹². О том, что СРН был построен на тех же основаниях, «на которых семнадцать лет спустя построился итальянский фашизм», и русские народные монархические организации были «точным прообразом» фашистского и национал-социалистического движений, писал в эмиграции последний председатель Главного совета СРН Н. Е. Марков¹¹³. Однако Марков, сотрудничавший с нацистами на почве антикоммунизма и антисемитизма, имел с ними серьезные расхождения из-за отношения Национал-социалистической немецкой рабочей партии (нем.: *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* (NSDAP)) к христианству и в личных письмах выражал убежденность в том, что «никакие новые “измы”, хотя бы и фашизм, не способны спасти Россию», поскольку продолжал оставаться монархистом старой формации, верящим в то, что «без веры и царя — Россия будет невозможна»¹¹⁴. Но в эти нюансы авторы, видевшие в русском дореволюционном правом движении протофашизм, не вдавались, хватаясь за цитаты из эмигрантской публицистики Маркова и факты сотрудничества с нацистами отдельных черносотенцев как за доказательства того, что русское черносотенство было подобно германскому нацизму¹¹⁵. Однако при таком подходе точно так же можно «доказывать» и «родство» черносотенства с большевизмом и коммунизмом, ведь некоторая часть бывших членов правых союзов продолжила свою трудовую деятельность в Советской России; в эмиграции российские либералы, не смущаясь, называли черносотенцев «черными большевиками»¹¹⁶, а первый лидер СРН А. И. Дубровин и вовсе «признавался» в 1920 г. в том, что всегда был «коммунистом-монархистом»¹¹⁷. Но едва ли перечисленные факты могут служить доказательствами преемства интернационального атеистического большевизма от православно-монархического черносотенства.

* * *

В современной исследовательской литературе, по замечанию Д. А. Коцюбинского, «по-прежнему наблюдается дефицит четкой и внутренне непротиворечивой системы определений, характеризующих основные партийно-политические феномены эпохи думской монархии»¹¹⁸. Термины «правые», «крайне

правые», «черносотенцы», «националисты», «консерваторы», «реакционеры» могут использоваться и как синонимы, и как понятия, характеризующие заметно отличающиеся друг от друга партийно-политические явления, «а типологически родственные феномены оказываются отнесенными к различным идейно-политическим таксонам»¹¹⁹. Это замечание во многом справедливо: правый лагерь дореволюционной России включал в себя не только консерваторов, но и консервативных либералов (левое крыло Партии правового порядка, часть ВНС); понятие «черная сотня», как уже было сказано выше, охватывает лишь крайнюю часть правого лагеря; термины «крайне правые» и «умеренно правые» также весьма условны, поскольку могут использоваться как для характеристики разных течений внутри черносотенного движения, так и для разделения правых на черносотенцев и политические объединения консервативного толка, к черной сотне себя не относившие. Проблемной является и типологизация партии русских националистов — Всероссийского национального союза, которую исследователи относят то к умеренно реформаторскому крылу черной сотни, то к правым национал-конституционалистам, то к «либеральным консерваторам», то к «консервативным либералам»; рассматривают как правую партию или исключают ее из числа таковых¹²⁰. Однако и система дефиниций, предлагаемая Коцюбинским взамен устоявшейся, относящей к правым партиям политические объединения, стоящие правее «Союза 17 октября», также оказывается весьма спорной. Трудно согласиться с предложением исследователя вывести националистов за рамки правого движения и, объединив их вместе с октябристами, именовать «правоцентристами» или «консервативными либералами» и, тем более, считать консерваторами исключительно октябристов и националистов, как стоявших «на страже структурных и идейно-политических основ думской монархии»¹²¹.

Отдавая отчет в условности и схематичности любой типологии, на наш взгляд, наиболее емким термином, позволяющим избежать эмоционально окрашенных оценок и охарактеризовать политические силы Российской империи начала XX в., стоявшие на защите самодержавия (безоговорочно или с оговорками), православия и русской народности, все же является понятие «правые», поскольку именно оно относительно политических реалий начала XX в. позволяет включить в себя силы, позиционировавшие себя и как консерваторов, и как черносотенцев, и как русских националистов, как крайне или умеренно правых.

¹ *Мартов Л.* Политические партии в России. СПб., 1906. С. 4–5.

² Там же. С. 5.

³ *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 5.

⁴ См., например: *Грингмут В. А.* В чем сила и слабость социализма? // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 2. М., 1909. С. 96.

⁵ *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос / сост., предисл. и комм. Д. И. Стогова. М., 2008. С. 490.

⁶ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., комм. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. С. 78.

⁷ *Грингмут В. А.*: 1) Еще о бюрократии // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 327; 2) М. Н. Катков // То же. Вып. 4. М., 1910. С. 179.

⁸ Земщина. 1911. 12 нояб.

- ⁹ Правые партии. Т. 1. С. 115.
- ¹⁰ *Грингмут В. А.*: 1) Первая передовая статья. От нового редактора // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 1. М., 1908. С. 5; 2) М. Н. Катков и современное общество // Там же. С. 14–17.
- ¹¹ *Грингмут В. А.* Апостолы и ученики нашего национального евангелия // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 309.
- ¹² Правые партии. Т. 2. С. 381.
- ¹³ Бессарабец. 1900. 8 окт.
- ¹⁴ *Дубровин А. И.* За Родину. Против крамолы / сост., предисл., комм. Д. И. Стогов. М., 2011. С. 273, 287.
- ¹⁵ *Грингмут В. А.* Апостолы и ученики нашего национального евангелия. С. 310.
- ¹⁶ См.: *Кириянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 321.
- ¹⁷ *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита». (История одной статьи) // Ной. Армяно-еврейский вестник. 1994. № 8. С. 139–142.
- ¹⁸ Там же. С. 134.
- ¹⁹ *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 171.
- ²⁰ *Белый А.* Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 195.
- ²¹ *Ульянова Л. В.* Концепция «заговора» против империи в воззрениях «правых» (на примере «Протоколов сионских мудрецов», конец XIX — начало XX века) // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 101–114.
- ²² *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. 2-е изд., доп. и перераб. Ярославль, 2012. С. 9.
- ²³ *Грингмут В. А.* Газете «Россия» // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. С. 182–183.
- ²⁴ *Рылов В. Ю.* Консерватизм в российской провинции: правое движение в губерниях центрально-земледельческого района (1903–1917). Воронеж, 2016. С. 21.
- ²⁵ *Головин К. Ф.* Чего хотят правые // Земщина. 1909. 19 июня.
- ²⁶ Куда временщики ведут Союз русского народа / сост. и авт. предисл. А. И. Дубровин. СПб., 1910. С. 253.
- ²⁷ *Кириянов Ю. И.* Предисловие // Правые партии. Т. 1. С. 5.
- ²⁸ *Рылов В. Ю.* Вопросы дефиниций правого движения в России в начале XX века // Русская линия: православное информ. агентство. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103809> (дата обращения: 22.03.2022).
- ²⁹ *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 20–21.
- ³⁰ *Никон (Рождественский).* Правые и левые // Никон (Рождественский). Мои дневники. Вып. 6. Сергиев Посад, 1915. С. 181–182.
- ³¹ *Шечков Г. А.* Что такое правые? // Московские ведомости. 1916. 5 марта.
- ³² Там же.
- ³³ *Головин К. Ф.* Чего хотят правые // Земщина. 1909. 19 июня.
- ³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 12. С. 56.
- ³⁵ Там же. Т. 22. С. 389.
- ³⁶ Там же. Т. 14. С. 26.
- ³⁷ *Смирнова С.* Ответ нашим уважаемым // Новое время. 1906. 24 нояб. (7 дек.).
- ³⁸ *Кириянов Ю. И.* Предисловие. С. 23.
- ³⁹ В чем заслуга черной сотни // Русское знамя. 1907. 1 авг.
- ⁴⁰ *Грингмут В. А.* Руководство черносотенца-монархиста // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. С. 136.
- ⁴¹ Дневник Л. А. Тихомирова. 1905–1907 / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов. М., 2015. С. 133.
- ⁴² *Ващутин М.* Черносотенец — патриот // Приложение к газете «Русское знамя». 1906. № 176.
- ⁴³ Черносотенец. 1906. 14 дек.
- ⁴⁴ *Кологривова Л. А.* Черная сотня // Кологривова Л. А. Исконные заветы: избранные духовные стихотворения. СПб., 2009. С. 41.

- ⁴⁵ Душенко К. В. Красное и белое: из истории политического языка: сб. ст. М., 2018. С. 38.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ В. Ж. Черная сотня // Курская быль. 1907. 20 июня.
- ⁴⁸ Плеханов Г. В. О черной сотне // Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 15. С. 51–52.
- ⁴⁹ Федотов Г. П. Революция идет // Современные записки. 1929. Т. 38. С. 332.
- ⁵⁰ Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 421.
- ⁵¹ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 150.
- ⁵² Имеется в виду выступление императора Николая II перед земскими депутатами, в ходе которого он назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды либерально-настроенных земцев на привлечение выборных людей к делу государственного управления и заверил, что будет охранять начала самодержавия столь же твердо, как и его отец.
- ⁵³ Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. М., 1997. С. 141.
- ⁵⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1909. Стб. 2219.
- ⁵⁵ См., например: Нарский И. В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. Екатеринбург, 1994; Степанов С. А. «Революционеры справа»: черносотенные союзы // История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 61–87; Рокки Т. Революция справа: российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 1. С. 47–61; и др.
- ⁵⁶ Рокки Т. Революция справа... С. 47.
- ⁵⁷ Что такое революция справа? // Русское знамя. 1907. 25 февр.
- ⁵⁸ Замысловский Г. Г. Опять с левыми! // Земщина. 1910. 27 янв.
- ⁵⁹ См.: Котов А. Э. «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX вв. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68–75.
- ⁶⁰ Правые партии. Т. 1. С. 251.
- ⁶¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 236.
- ⁶² На ул. Жуковского, 21 располагались редакция и типография кадетской газеты «Речь».
- ⁶³ Меньшиков М. О. Еврейская протекция // Новое время. 1908. 14 (27) авг.
- ⁶⁴ Замысловский Г. Г. Опять с левыми! // Земщина. 1910. 27 янв.
- ⁶⁵ Пасхалов К. Н. «Революционеры справа» // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 107.
- ⁶⁶ Там же. С. 108–109. См. о том же: Татищев Л. Отповедь Союза русского народа // Русское знамя. 1907. 3 авг.
- ⁶⁷ Совещание монархистов, 21–23 ноября 1915 года в Петрограде: постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 21.
- ⁶⁸ Революционер справа. «Мы ждем!» // Земщина. 1910. 23 февр.
- ⁶⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи»: переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 гг. / публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 21.
- ⁷⁰ Что такое революция справа? // Русское знамя. 1907. 25 февр.
- ⁷¹ Еропкин А. В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928. М., 2016. С. 33.
- ⁷² Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1914–1939 гг. / сост., вступ. ст., примеч. О. В. Будницкого. М., 2012. С. 213.
- ⁷³ Русские ведомости. 1907. 21 июня.
- ⁷⁴ Там же. 12 июня.
- ⁷⁵ Марков Н. Е. Зубры или телятина? // Курская быль. 1907. 8 июля.
- ⁷⁶ Жилкин И. На земском съезде // Товарищ. 1907. 13 (26) июня.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Речь. 1907. 14 июня.
- ⁷⁹ См.: Иванов А. А. «Кличку “зубр” принимаю с большим удовольствием»: о происхождении прозвища лидера правых Н. Е. Маркова // Герценовские чтения 2014. Актуальные проблемы русской истории: сб. науч. и учеб.-метод. трудов межвуз. науч. конф., Санкт-Петербург, 18 апр. 2014 г. / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2015. С. 106–110.

- ⁸⁰ *Марков Н. Е.* Зубры или телятина? // Курская быль. 1907. 8 июля.
- ⁸¹ *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 / сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 113.
- ⁸² *Шечков Г. А.* Что такое правые? // Московские ведомости. 1916. 5 марта.
- ⁸³ *Фоменков А. А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. С. 66–67.
- ⁸⁴ См. например: [*Плеханов Г. В.*] Белый террор // Искра. 1903. 15 сент.; *Миллюков П. Н.* Вторая Дума. СПб., 1908. С. 184; *Ваишков Е. И.* Черные патриоты. М., 1906. С. 11; *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1914. Т. 3. С. 436.
- ⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 76.
- ⁸⁶ Объединение. 1906. 10 окт.
- ⁸⁷ Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929. С. 378.
- ⁸⁸ *Смирнова С.*: 1) Погромная литература // Новое время. 1907. 10 (23) янв.; 2) Одесские ужасы. 1907. 18 апр. (1 мая); *Левицкий В.* Правые партии. С. 435.
- ⁸⁹ *Душенко К. В.* Красное и белое. С. 40.
- ⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 56, 70.
- ⁹¹ *Душенко К. В.* Красное и белое. С. 15–16.
- ⁹² *Ильин И. А.* Направо. (О политических предрассудках) // Возрождение. 1925. 24 нояб.
- ⁹³ *Санькова С. М.* Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 9.
- ⁹⁴ См., например: *Елисеев А. В.* Социально экономические воззрения русских националистов начала XX века: дис. ... канд. ист. наук, М., 1997.
- ⁹⁵ *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–75.
- ⁹⁶ *Меньшиков М. О.* Новый пуп земли // Новое время. 1911. 17 (30) апр.
- ⁹⁷ Друг. 1905. 4 нояб.
- ⁹⁸ *Пуришкевич В. М.* Политические дальтоницы. Статья из германской «Kreuz Zeitung» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 6–7.
- ⁹⁹ См.: *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 37.
- ¹⁰⁰ Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX — начало XX века) / под ред. А. А. Иванова; вступ. ст., сост., комм. А. А. Иванова, И. В. Амбарцумова, В. В. Калиновского, А. Э. Котова, А. А. Чемакина. СПб., 2021. С. 473–483.
- ¹⁰¹ *Любош С. Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; *Залежский В.* Монархисты. Харьков, 1930. С. 27–28.
- ¹⁰² Правда. 1936. 29 нояб.
- ¹⁰³ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1948. С. 27–28.
- ¹⁰⁴ *Дементьев А. Г.* Реакционная роль немцев в истории России. Л., 1943. С. 37.
- ¹⁰⁵ См., например: *Геевский И.* Черная сотня Америки. М., 1970.
- ¹⁰⁶ *Rogger H.* Was There a Russian Fascism? The Union of the Russia People // Journal of Modern History. 1964. № 36. P. 398–415.
- ¹⁰⁷ *Laqueur W.*: 1) Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. New York, 1993. Рус. изд.: *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; 2) Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991.
- ¹⁰⁸ Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки: в 3 ч. Ч. 1 / редкол.: Р. Ш. Ганелин и др. СПб., 1992. С. 42, 70, 111 и др.; *Ганелин Р. Ш.*: 1) Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: История и культура: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб., 1998. С. 211–217 (Труды по иудаике. История и этнография; вып. 5); 2) От черносотенства к фашизму // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко: сб. / редкол.: В. Ф. Выдрин и др. СПб., 2005. С. 243–272.
- ¹⁰⁹ *Роки Т.* Российское черносотенство и его место в прошлом и настоящем европейских популистских партий и движений // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 319.

- ¹¹⁰ *Размолodin М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. С. 108.
- ¹¹¹ Национальная правая прежде и теперь. С. 42.
- ¹¹² Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. С. 213.
- ¹¹³ *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М. Б. Смоллин. М., 2002. С. 145, 496.
- ¹¹⁴ *Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С.* «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 149.
- ¹¹⁵ *Ганелин Р. III.* От черносотенства к фашизму. С. 257.
- ¹¹⁶ *Изгоев А. С.* «Каморра народной расправы». Двадцатилетие со дня убийства М. Я. Герценштейна // *Сегодня.* 1926. 31 июля.
- ¹¹⁷ Приговоренный к расстрелу дважды (коммунист-монархист Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // *Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.* М., 2010. С. 108.
- ¹¹⁸ *Коцюбинский Д. А.* Думская монархия (1906–1917) в современной историографии: проблема переосмысления и уточнения понятийно-категориального аппарата // *Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. А. Б. Николаева.* СПб., 2020. С. 46.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ См.: *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? С. 171–175.
- ¹²¹ *Коцюбинский Д. А.* Думская монархия... С. 61.

Статья поступила в редакцию 23 марта 2022 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 4. С. 884–905. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.405>

Аннотация: В статье представлен подробный разбор дефиниций, которые, возникнув в ходе политической борьбы начала XX в., впоследствии закрепились в исторической литературе в отношении правого монархического движения. Особое внимание уделено обстоятельствам появления, применения и обоснованности таких понятий, как «консерваторы», «реакционеры», «правые», «черносотенцы», «зубры», «белые» («белогвардейцы»), «революционеры справа», «фашисты». Впервые вводятся в научный оборот источники, иллюстрирующие примеры использования тех или иных дефиниций в отношении русских правых в периодической печати и публицистике дореволюционной и советской России и реакцию на них со стороны черносотенцев и русских националистов. Показано, что одни и те же понятия и определения могли иметь различное толкование и наделяться противоположными характеристиками при использовании их противоборствующими политическими силами. Если в устах революционного и либерального лагеря именованная «черносотенцы» и «зубры» звучали как бранные клички, то часть правых с гордостью подняли их на свои знамена. При этом от прозвища «революционеры справа» монархисты всячески откращивались, поскольку видели в нем инструмент для дискредитации и искажения их политических целей. А более поздний термин «фашисты», ретроспективно примененный к черной сотне ее противниками, вызвал у некоторых ее бывших лидеров желание представить дореволюционное движение русских монархистов как генетически близкое европейским правым движениям более позднего времени. Внимание также уделено малоизвестному термину «белые» («белогвардейцы»), который применялся в отношении правого лагеря в годы Первой российской революции, но впоследствии оказался вытеснен другими прозвищами и практически забыт. В статье высказывается мнение, что наиболее емким и информативным термином, позволяющим избежать эмоционально окрашенных оценок и достаточно точно охарактеризовать политические силы Российской империи начала XX в., выступавшие в защиту господствующего положения православия, Царского самодержавия и русской народности, является понятие «правые», поскольку именно оно дает возможность охватить

практически все оттенки этого идейно-политического направления от черносотенцев до националистов и умеренно правых.

Ключевые слова: правые, консерваторы, реакционеры, черносотенцы, революционеры справа, белогвардейцы, фашисты, Россия.

Сведения об авторах: Иванов А. А. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Ivanov A. A. 'Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, Fascists: Definitions of Russian Right-Wingers in the Early 20th Century', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 884–905. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.405> (In Russian)

Abstract: The article presents a detailed analysis of definitions that, having arisen during the political struggle of the early 20th Century, subsequently became entrenched in historical literature in relation to the right-wing monarchist movement. Special attention is paid to the circumstances of the emergence, use and validity of such terms as "conservatives", "reactionaries", "rightists", "the Black Hundreds", "bison", "the Whites" ("the White Guards"), "right-wing revolutionaries", "fascists". It is for the first time that the author has introduced to scientific community the sources illustrating how certain definitions were used in relation to Russian right-wingers in the periodicals and journalism of pre-revolutionary and Soviet Russia and the reaction to them from the Black Hundreds and Russian nationalists. The article shows that the same terms and definitions could have different interpretations and be endowed with opposite characteristics when used by opposing political forces. Such nicknames as "the Black Hundreds" and "bison" sounded like swear nicknames in the mouths of the members of the revolutionary and liberal camps. However, some right-wingers proudly raised them to their banners. At the same time, the monarchists rejected the nickname "right-wing revolutionaries" in every possible way, since they saw it as a tool for discrediting and distorting their political goals. The later term "fascists", retrospectively applied to the Black Hundreds by their opponents, inspired in some of their former leaders a desire to present the pre-revolutionary movement of Russian monarchists as genetically close to the European right-wing movements of a later time. Attention is also paid to the little-known term "the Whites" ("the White Guards"), which was used in relation to the right-wing camp during the First Russian Revolution, but later was supplanted by other nicknames and almost forgotten.

Keywords: right-wingers, conservatives, reactionaries, Black Hundreds, right-wing revolutionaries, White Guards, fascists, Russia.

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no.20-09-00105 "Political Parties in Russia in the Beginning of the 20th Century".

Author: Ivanov A. A. — Dr. Sci. in History, Professor, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); andrey.a.ivanov@spbu.ru

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

Dushenko K. V. *Red and White: From the History of Political Language. Digest of articles* (Moscow, 2018). (In Russian)

Eliseev A. V. *Socio-economic views of Russian nationalists at the beginning of the 20th Century* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1997). (In Russian)

Fomenkov A. A. *Right-monarchist movement in the Nizhny Novgorod province (1905–1917)* [Candidate of History Dissertation] (Nizhny Novgorod, 2002). (In Russian)

Ganelin R. Sh. 'From Black Hundreds to Fascism' in *Ad hominem. Pamiati Nikolai Girenko* (St Petersburg, 2005). (In Russian)

- Ganelin R. Sh. 'N. E. Markov II on his path from the Black Hundreds to Hitlerism' in *Evrei v Rossii: Istorii i kul'tura. Sbornik nauchnykh trudov (Trudy po iudaike. Istorii i etnografii, vol. 5)* (St Petersburg, 1998). (In Russian)
- Geevskij I. *America's Black Hundred* (Moscow, 1970). (In Russian)
- Ivanov A. A. "I accept the nickname 'bison' with great pleasure": about the origin of the nickname of the leader of the right N. E. Markov' in *Gercenovskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy russkoi istorii* (St Petersburg, 2015). (In Russian)
- Ivanov A. A. 'Were Russian nationalists a kind of "Black Hundreds"? (On the article by I. V. Omelianchuk)', *Voprosy istorii*, no. 11, 2008.
- Ivanov A. A., Mashkevich S. V., Puchenkov A. S. "Tsar and people: That's the formula of our time". About N. E. Markov's views in the 1930s', *Modern History of Russia*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Kir'yanov Yu. I. 'Foreword' in *Pravye partii. 1905–1917. Dokumenty i materialy*, vol. 1 (Moscow, 1998). (In Russian)
- Kir'yanov Yu. I. *Right-wing parties in Russia. 1911–1917* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Kocubinskij D. A. 'Duma monarchy (1906–1917) in modern historiography: the problem of rethinking and clarifying the conceptual and categorical apparatus' in *Tavricheskie chteniya 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istorii i sovremennost'*, vol. 2 (St Petersburg, 2020). (In Russian)
- Kotov A. E. "White nihilism" in Russian conservative social and political journalism in the second half of the 19th and the beginning of the 20th Century, *Tetrady po konservatizmu*, no. 2, 2017. (In Russian)
- Laqueur W. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia* (New York, 1993).
- Laqueur W. *Russia and Germany. Hitler's mentors* (Washington, 1991). (Rus. ed.)
- Lebedev S. V. *Russian ideas and Russian struggle. National-patriotic movement in Russia in the past and present* (St Petersburg, 2007). (In Russian)
- Minakov A. Yu. *Russian conservatism in the first quarter of the 19th Century* (Voronezh, 2011). (In Russian)
- Narskij I. V. *Revolutionaries "from the right": the Black Hundreds in the Urals in 1905–1916* (Yekaterinburg, 1994). (In Russian)
- National right before and now. Historical and sociological essays, vol. 1, ed. R. Sh. Ganelin (St Petersburg, 1992). (In Russian)
- Razmolodin M. L. *On the conservative nature of the Black Hundreds*, 2nd ed. (Yaroslavl, 2012). (In Russian)
- Rocchi T. 'Revolution from the right: the Russian Black Hundreds movement and its place in the history of European far right parties and movements', *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mys'*, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34>
- Rocchi T. 'The Russian Black Hundreds movement and its place in the past and present of European populist parties and movements: an exercise in comparative analysis', *Tetrady po konservatizmu*, no. 1, 2020. (In Russian)
- Rogger H. 'Was There a Russian Fascism? The Union of the Russia People', *Journal of Modern History*, no. 36, 1964.
- Romov R. B. *The right-wing faction in the III State Duma (1907–1912)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2003). (In Russian)
- Rylov V. Yu. *Conservatism in the Russian provinces: the right movement in the provinces of the central agricultural region (1903–1917)* (Voronezh, 2016). (In Russian)
- Sankova S. M. *The Russian Party in Russia: the formation and activities of the All-Russian National Union (1908–1917)* (Orel, 2006). (In Russian)
- Shevtsov A. V. *Publishing activities of Russian non-socialist parties in the early XX Century* [Doctor of Philology Dissertation] (St Petersburg, 1998). (In Russian)
- Stepanov S. A. "Revolutionaries from the Right": Black Hundred Unions' in *Istorii politicheskikh partii Rossii* (Moscow, 1994). (In Russian)
- Ulyanova L. V. 'The Concept of a "Conspiracy" vs the Empire in the Views of the "Right" (by the Example of the "Protocols of the Elders of Zion", Late 19th and Early 20th Centuries)', *Tetrady po konservatizmu*, no. 2, 2022. (In Russian)
- Varzhapetyan V. 'Confessions of an Anti-Semite'. (History of one article), *Noi. Armiano-evreiskii vestnik*, no. 8, 1994. (In Russian)

Received: March 23, 2022
Accepted: August 21, 2022